
Сергей Тисон
Процентный вальс
18+

Сергей Тисон

Процентный вальс

«Автор»
2026

Тисон С.

Процентный вальс / С. Тисон — «Автор», 2026

«Процентный вальс» — экономический детектив о «сером кардинале» строительных схем нулевых: от сметных хитростей и «мёртвого бетона» до офшорных цепочек, по которым утекали миллиарды. Марк Линёв умел считать лучше всех — и проиграл из-за единственной эмоции. 22 дня, 7,2 миллиарда рублей и одна роковая транзакция. История о том, как большие деньги стирают прошлое и не оставляют будущего. Для любителей жёстких сюжетов, реалистичной экономики и неожиданных финалов.

© Тисон С., 2026
© Автор, 2026

Процентный вальс

ПРОЦЕНТНЫЙ ВАЛЬС

Роман

Автор: Сергей Тисон

Жанр: современный детектив

Возрастное ограничение: 18+

АННОТАЦИЯ

«Процентный вальс» — экономический детектив о «сером кардинале» строительных схем нулевых: от сметных хитростей и «мёртвого бетона» до офшорных цепочек, по которым утекали миллиарды. Марк Линёв умел считать лучше всех — и проиграл из-за единственной эмоции. 22 дня, 7,2 миллиарда рублей и одна роковая транзакция. История о том, как большие деньги стирают прошлое и не оставляют будущего. Для любителей жёстких сюжетов, реалистичной экономики и неожиданных финалов.

СИНОПСИС

Роман охватывает период с 1998 по 2015 год и показывает восхождение и падение Марка Линёва — человека, который начинал как техник-сметчик проектного отдела треста «Автостройпром» и стал архитектором строительных схем нулевых. В Тольятти 1998 года Марк под руководством старого прораба Прохора Гриба постигает механику сметной экономики: как «лишние» цифры превращаются в реальные объекты — котельные, детские площадки, дома, — и как эти схемы становятся фундаментом будущей карьеры.

В нулевые Марк последовательно выстраивает систему влияния: кооперативы, муниципальные торги, создание компании «Волгарий-Строй». Ключевым звеном становится юрист Рита — она проектирует трёхзвенную офшорную цепочку, которая позволяет выводить деньги через прокладки в Черногории и на Кипре. К 2008 году компания превращается в «пылесос»: собирает деньги дольщиков и гонит их через схемы, прикрываясь «финансированием строительства».

Кульминация приходится на осень 2008 года: за 22 дня — от банкротства Lehman Brothers до «моратория» компании — Марк запускает протокол «Расчёт» и выводит 7,2 миллиарда рублей. Однако эмоциональная ошибка — прямой перевод 700 миллионов бывшему партнёру Соколову — оставляет очевидный след. Этим следом пользуются зарубежные финансовые мониторинговые службы: куратор мистер Грин замораживает счета и ставит Марку ультиматум. Деньги исчезают, офшоры превращаются в «тыкву».

Финал переносит читателя в 2015 год: Марк в Тольятти работает асфальтоукладчиком во дворе дома, который он сам когда-то продал 840 семьям. От былого величия остаётся только смятая сторублёвка, которую он бросает в урну. Камео в финале кратко показывает судьбы Риты, Соколова, Кувалды и покупательницы — все линии закрыты. Это история не про «успех любой ценой», а про то, как система пожирает собственных архитекторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И ТЕГИ

Жанры: современный детектив, экономический детектив, криминальная проза, проза о нулевых, остросюжетная проза.

Теги: стройка, обманутые дольщики, вексельные схемы, кризис 2008, застройщик, офшоры, финансовые схемы, банки, криминал, деньги, падение героя, большие деньги.

ПРОЛОГ. МОСКВА, СЕНТЯБРЬ 2008 ГОДА

Экран Блумберга ещё не погас, но деньги уже ушли. В кабинете на тридцать восьмом этаже башни на Пресненской набережной, где ещё вчера пахло шотландским табаком, крепким кофе и уверенностью в завтрашнем дне, пахло только картоном — от разрезанного офисным ножом сейфа. Нож лежал на столе рядом с разрезанной папкой и разрезанным договором. Марк Линёв резал не бумагу. Он резал остатки доверия, которое должно было умереть завтра, — и не

умрёт никогда, потому что завтра уже не существовало. Существовало только сегодня, шестое октября, и сегодня стройка падала со скоростью индекса РТС. Марк Линёв, тридцать шесть лет, вице-президент девелоперской компании «Волгарий-Строй», стоял у панорамного окна и смотрел вниз. На набережной, у моста через Москву-реку, толпа штурмовала закрытые двери офисов продаж. Люди били кулаками в стеклянные витрины, где ещё утром висели стенды «Квартира от 2 400 000 рублей», а теперь висел лист формата А4: «Продажи приостановлены. Оплата броней невозможна». Рядом с офисом продаж стояла женщина в зелёной куртке — Марк видел её лицо крупно, как в кино, хотя до земли было тридцать восемь этажей. Она держала в руке папку с договором о долевом участии и прижимала к плечу ребёнка. Ребёнок спал. Ему было всё равно, кому принадлежит его будущее: у его возраста ещё нет застройщика. Марк смотрел не на толпу. Он смотрел на экран компьютера — на одно-единственное письмо из Цюриха. Тема письма была бездушной, как все письма денег: Subject: Transaction complete. Amount: RUB 7,200,000,000.00. Destination: Limassol, Aurora Estates Ltd. Отправитель: Марк Линёв. Получатель: Марк Линёв. Он только что обокрал самого себя, свою страну и людей, которые стояли внизу с плакатами «Верните наши квартиры». Двадцать два дня назад — за двадцать два дня до того, как во всем мире прогремит банкротство Lehman Brothers, — Марк запустил протокол «Расчёт». Компания «Волгарий-Строй» умерла сегодня в 9:12 утра по московскому времени. Её смерть оформили как «реорганизацию группы компаний и перераспределение обязательств» — двадцать два дня переводов, двадцать два дня прокладок в Черногории, финальный аккорд на Кипре, где ни один аудитор в жизни не бывал на реальной стройке и не узнает, что Aurora Estates — это не северное сияние, а семь миллиардов двухсот миллионов рублей, конвертированных в чужое спокойствие. И впервые за десять лет Марк почувствовал себя свободным. Свобода, как выяснилось, пахла картоном и была бетонной. Он ждал эйфории — той самой, которую ему обещали все, кто уходил из игры раньше: нирвана, яхта, вилла на Кипре, никому не должен. Но эйфории не было. Было только ощущение, что он вышел из недостроенного дома, как выходит архитектор с последней проверки, — и теперь смотрит на недострой из окна и видит, что каркас ещё стоит. Ещё держит ветра. Ещё бьёт кулаками в стёкла офисов продаж и спрашивает у стекла: где мой этаж? В дверь кабинета постучали три коротких и один длинный — так стучал только секретарь Пал Палыч, у которого всё было распродано ещё во вторник, включая совесть. — Марк Сергеевич... — Пал Палыч высунулся в проём, стараясь не смотреть на разрезанный сейф. — Снизу. Охрана говорит. Там людей до полусотни. И, кажется, журналисты. В смысле, настоящие. С камерами. — Пусть ждут, — сказал Марк. — Дай мне минуту. — Дать не могу, — честно сказал Пал Палыч. — Они не ждут. Они уже в лифте. Марк достал из ящика стола визитки, паспорт — настоящий, на имя Линёва Марка Сергеевича, совпадавшего с ним самим до последней буквы, — и конверт с билетом до Вадуца, купленным ещё в марте, когда инвесторы ещё подписывали. Март был другой страной. В марте ещё верили, что существуют длинные деньги и короткие стройки. — Пал Палыч, — сказал Марк, надевая пиджак. — Если вас спросят, где я, — говорите правду. Вы никогда не знали, где я. Это даже близко к правде. — А вы куда, Марк Сергеевич? — К себе, — сказал Марк. — Наконец-то. Он прошёл по коридору мимо зеркала, в котором на него посмотрел человек в дорогом костюме Ermenegildo Zegna. В зеркале было видно то, чего не было в зеркале десять лет назад: не властность, а облегчение. Человек, который вышел из стройки, всегда выглядит моложе — но только если вышел с деньгами. Лифт открылся на первом этаже. Стеклянные двери были прижаты телами: дольщики, журналисты, охрана, человек с табличкой «ВОЛГАРИЙ-СТРОЙ — ВОР», которую держал старик в ватнике. Старик в ватнике — Марк запомнил его на всю жизнь — не кричал. Он просто смотрел на Марка сквозь стекло так, как смотрят на трещину в несущей стене: без паники, с пониманием того, что дом уже не спасти. Марк вышел через подземный паркинг. За рулём ждал Кувалда — бывший сварщик, который верой и правдой «решал вопросы» на его объектах с 2004 года. — Куда, Марк Сер-

геевич? Внуково? — Шереметьево, — сказал Марк. — И Кувалда... заезжай сначала к дому на Черняховского. Мне нужно посмотреть на это. — Там сейчас всё стоит, арматуру растащили. — Мне нужно на это посмотреть, Кувалда. Потом уеду. Кувалда посмотрел на него в зеркало заднего вида — коротко, по-рабочему, оценивая не просьбу, а человека, который её делает. — На десять минут, — сказал он. — Потом я вас везу, и вы мне дадите слово, что не будете больше ничего передавать. Ни Соколову, ни Рите, никому. Всё, что вы завтра скажете, я услышу и забуду. — Спасибо, Кувалда. — Не за что. С вами я четыре года, больше не с кем. Возле недостроя на Черняховского стоял полупустой чёрный «Ауди» с мигалкой — одна из тех, что стояли там с 2006 года, без пользы и без смысла, просто как память о времени, когда мигалка была пропуском в жизнь. Марк вышел из машины, постоял в холодном ветре, посмотрел на скелет двенадцатиэтажки, на кран, который не двигался уже неделю, на людей в зелёных куртках, которые несли в папках договоры о долевом участии — договоры на квартиры, наступившие внезапно, — и подумал то, что он не сказал никому и никогда, до самого Вадуца: Я думал, что вывожу деньги со стройки. На самом деле я вывожу себя. Деньги были сметой. Он сел в машину. — Поехали, Кувалда. Машина тронулась. Позади осталась компания, которая через двадцать минут узнает слово «мораторий», а через десять лет будет произносить его как кличку своего прошлого. Впереди был аэропорт.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЕРТЁЖ

1. Тольятти, 1998 год

Марк Линёв — не бандит с мастерком. Это надо сказать сразу, до всех историй про векселя, аффилированных подрядчиков и лихтенштейнские счета, потому что потом, когда его будут судить в газетах (судить в суде не успели), его нарисуют по шаблону: бешеный застройщик, кровавые девяностые, злодей в малиновом пиджаке. Шаблон врёт. Марк вышел не из бандитского романа. Он вышел из проектного отдела. Он был отличником, капитаном школьной команды «Что? Где? Когда?», победителем областной олимпиады по математике (на которой ему преподавали, что математика — это наука о величинах и их отношениях) и — с восемнадцати лет — техником-сметчиком в проектном отделе треста «Автостройпром». Двадцатый год, карандаш «Конструктор» за восемь копеек, логарифмическая линейка в нагрудном кармане — не для красоты, а потому что калькуляторов «Электроника» на всех не хватало, а Марк считал в уме быстрее, чем сметчицы на клавишах «Мерседеса». Его оружие было не кулаком и не мастерком. Его оружие было три вещи: логарифмическая линейка, наглость и глубокое понимание того, как работает смета. Смета — это система, в которой нельзя построить честно, не построив дважды, потому что любая расценка либо занижена по факту, либо завышена по документу, и в обоих случаях кто-то на этом живёт. Марк понял это в первую же неделю работы, когда ему поручили свести объектную смету и он обнаружил, что объём «демонтажа временных ограждений» равен длине ограждений, которые никогда не существовали. — Это не воровство, — сказал ему тогда сметчик Гриб, моргая. — Это «фактические затраты». Бывает. — А куда они деваются? — В никуда. Это цифры, которые родились в расценке и в жизни не живут. — То есть они существуют в смете, но не существуют в жизни? — переспросил Марк. — Да. — А если их продать? Гриб посмотрел на него так, как смотрят на ребёнка, который впервые спросил, откуда берутся дома: и с ужасом, и с гордостью за поколение. — Тихо, — сказал он. — Это должно быть тихо.

2. Старый прораб

Его боссом был Прохор Гаврилович Гриб — прораб четвёртого участка, старый строительный волк, который в 1948-м, шестнадцати лет, возил на тачке бетон для восстановления Сталинграда, а в 1998-м раскатывал по Тольятти на «Ниве» с термосом на заднем сиденье и портретом Врубеля на солнцезащитном козырьке — не из эстетики, а чтобы пугать комиссию: комиссия думала, что художественная натура — признак вменяемости, а вменяемый прораб не ворует. Гриб учил молодого Марка главному правилу советской стройки. Учил не на семинарах

— учил в кабине крана, по дороге с объекта, наливая Марку горячей воды из термоса в жестяную кружку с надписью «ЛУЧШЕМУ ПОБЕДИТЕЛЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ». — Скажи мне, Марочек, — говорил Гриб, глядя на дорогу, — сколько бетона заказывает наш дом номер сорок? — Две тысячи кубов в месяц, Прохор Гаврилович. По смете. — А в монолит заливают сколько? — Тысяча восемьсот. — А куда двести? Марк молчал. Он знал ответ — знал уже неделю, с того дня, как увидел на объекте самосвал без номеров, который разгружался в семь утра, когда никто не был на работе, — но знал не словами, а чем-то, что ещё не имело названия. — Двести кубов — это «мертвый бетон», — говорил Гриб спокойно, как говорят о норме выработки. — Он уходит налево. Сливается в подпольном РБУ за свинофермой — маленький такой заводик, будка ржавая, зато внутри всё как в НИИ. Превращается в стяжку. Стяжка продаётся дачникам за наличные. На эти наличные мы строим Родине коммунизм. — Коммунизм? — не выдержал Марк. — Да, Марочек. Коммунизм. — Гриб повернул голову. — Детский сад в прошлом году застеклили — на мертвый бетон. Крышу в школе починили — на мертвый бетон. Тысячи рублей плановых премий — на мертвый бетон. Я полжизни отдал стране, чтобы у страны всё было, а у страны всё не было, потому что у страны всё было у сметы, а смета жила в кабинете, а в кабинете сидел человек, который в бетоне не нюхал ни куба. Понимаешь, мальчик: если смета врёт, то правда должна жить где-то ещё. Мы и живём в том месте, где правда ещё жива. И правду эту ты никогда, ни при какой власти, не расскажешь никому — ни начальству, ни жене, ни Богу на исповеди. Понял? — Понял, Прохор Гаврилович. — Не понял, — сказал Гриб. — Но запомнишь. Запомни моё главное правило. Смотри на меня. Марк посмотрел. Гриб говорил, глядя на дорогу, на колонны бетоновозов, уходящие за горизонт: — Родина — это мы. Он замолчал. Дорога стучала колёсами в насыпном грунте. — Всё, что ты видишь вокруг, — весь этот ил, эти каркасы, эти бараки, этот район с четырьмя магазинами и одним стройконтролем, — это Родина. Не Съезд партии. Не газета «Правда». Мы — те, кто в каждом кубе оставляет десять процентов на жизнь. И те, кто эти десять процентов ещё при жизни отдаёт детскому саду, чтобы у мальчишек с участка было куда своих детей отправить. Понял теперь? — Понял. — Плохо, — сказал Гриб, — что понял. Надо было не понимать. Но ладно. Иди работай. Марк работал.

3. Первая смета

В первый год он создал первую в тресте схему «отката» через фиктивные субподряды. Схема была гениальная и почти детская. В универе на строительном факе, куда Марк вечерами гонял на троллейбусе, ему рассказывали, что экономика строится на плане. Но в плане треста были субподрядные организации — бригады, которые приезжали на объекты и что-то строили. По плану каждый субподряд имел акт. Акт шёл через бухгалтерию треста. Марк — техник-сметчик, а значит, человек, который сводил акты о выполненных работах, — обнаружил, что четыре бригады, числящиеся в документах, физически не существовали: их составы были распущены в июле, их прорабы уехали домой, их объекты стояли без людей. Но акты продолжали жить. Деньги шли. Их подписывали на бумаге три человека, а забирали — Прохор Гаврилович, его зам Морозов и новый молодой человек с линейкой, которого звали Марк Линёв. Четыре «призрачных» субподряда в течение трёх лет построили в районах: котельную (настоящую, работающую), детскую площадку (настоящую, с песочницей), теплотрассу (настоящую, рабочую) и два дома (тоже настоящие — и в этих домах жили люди, а в актах они значились «объектами незавершённого строительства»). Деньги не пахнут. Но они очень любят тишину. — Ты понимаешь, что ты сделал? — спросил его однажды Гриб, когда Марк показал ему свод актов о четырёх бригадах, из которых три не существовали, а четвёртая была реальна, но работала без оплаты. — Я построил родине два дома и котельную за деньги, которых не существовало. — Нет, — сказал Гриб. — Ты построил себе карьеру. И себе — молодость. Тебе двадцать два, и ты уже можешь идти в любой кабинет этой страны и открывать дверь ногой. Но помни: у этой страны есть одна-единственная стена, от которой не спасает ни орден, ни

деньги, ни стволы. Стена называется «я всё ещё нужен». Пока ты нужен — тебя никто не тронет. Как только ты перестанешь быть нужен — твоя биография станет биографией преступника, а сметы станут уликой. Поэтому, Марочек, никогда не влюбляйся в свои схемы. Влюбляйся в своё место в схеме. Место менять легко. Схему менять невозможно. Марк запомнил и это. И потом, в 2008-м, в кабинете с разрезанным сейфом, он вспомнит это правило Гриба и подумает с горькой ясностью: ты, старый волк, был прав. Я влюбился в схему. Я влюбился в семь миллиардов. Я полюбил их больше, чем своё место в схеме. А место в схеме — это страна. И теперь я не в стране, а в смете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.